

представлять въ видѣ отдельнаго отдѣла въ моемъ журнале
дополнительной статьи о философии и философской книжности
или же въ виде отдельнаго изданія въ видѣ альманаха, въ
которомъ будутъ сдѣланы краткіе обзоры и рецензіи на
всю книжную продукцію въ области философіи.

БИБЛІОГРАФІЧНІ ЗАМѢТКИ.

Прежде нежели начну вышеозначенную рубрику, я считаю
необходимымъ объяснить читателямъ цѣль, которую я имѣю въ
виду, при помѣщеніи этихъ замѣтокъ въ „Своемъ Словѣ“.

Какъ я уже заявлялъ имъ, по ограниченному количеству силъ,
находящихся въ моемъ распоряженіи, я предполагаю посвятить ихъ
на постановку и разшеніе, съ моей точки зрењія, существеннѣй-
шихъ и важнѣйшихъ вопросовъ философіи. По этому я, конечно,
не имѣю времени и возможности не только вести какую либо си-
стематическую библіографію, но даже ограничиться обзоромъ хотя
бы и замѣчательнѣйшихъ сочиненій по философскимъ наукамъ,
выходящихъ за границей или въ Россіи.

„Библіографічнія замѣтки“ мои будутъ имѣть въ виду иск-
лючительно тѣ потребности моихъ читателей, обѣ которыхъ я имѣю
или буду имѣть отъ нихъ заявленія;—или же указанія на такія
сочиненія, которые могутъ служить или для подкрѣпленія, или для
обосновки тѣхъ воззрѣній, которые я провожу въ своемъ изданії.
При каждомъ сочиненіи, будь то книга, или статья журнала,
которое я позволю себѣ рекомендовать своимъ читателямъ, я всегда
буду указывать, какая потребность можетъ быть ею удовлетворена,
или на сколько и въ какомъ отношеніи она можетъ быть этимъ
читателямъ полезна. Надѣюсь при этомъ, что они имѣютъ на столько
ко мнѣ довѣрія, что не будутъ требовать подробныхъ и система-
тическихъ рецензій, полнаго изложженія содержанія рекомендемыхъ

сочиненій, длинныхъ цитать и ссылокъ для подтверждения моихъ мнѣній и т. под., а удовольствуются весьма краткими указаніями на содержаніе книги и общею ея оѣнко.

Послѣ этого краткаго предисловія къ вышеозначенной рубрикѣ — я и приступлю къ самому дѣлу.

I) *Leçons de philosophie par Élie Rabier. I. Psychologie.* Paris 1884 г.

Мнѣ не разъ случалось приходить въ затруднительное положеніе, когда разныя лица, вообще образованныя, но въ тоже время почти не знакомыя систематически съ философскими науками, обращались съ просьбою рекомендовать имъ какое либо сочиненіе, изъ котораго они могли бы познакомиться съ *психологіей* или *наукой о душѣ*. Если случалось мнѣ какъ либо обнаруживать передъ такими спрашивающими свое затрудненіе, то имъ казалось чрезвычайно *страннымъ*, какимъ образомъ университетскій преподаватель науки затрудняется указать удовлетворительное руководство или сочиненіе по своему предмету.

И дѣйствительно это было бы странно по отношенію къ какой нибудь другой наукѣ, напр., математической, естественной, даже исторической или филологической, но нисколько не странно, а напротивъ весьма естественно по отношенію къ какой либо философской наукѣ, какъ напр., психологіи, логикѣ, теоріи познанія или метафизикѣ, этикѣ и т. п. Происходить это вслѣдствіе того, что философскія науки, по ихъ вообще трудному предмету и по ихъ высшему значенію въ системѣ знанія, болѣе всѣхъ другихъ подлежать зависимости отъ индивидуальныхъ различій въ волѣ, чувствахъ, настроеніи и умственныхъ силахъ научныхъ дѣятелей¹⁾). По этому философскія науки представляютъ, такъ сказать, арену,

¹⁾ Объ этомъ мнѣ не разъ приходилось говорить въ различныхъ сочиненіяхъ, но особенно позволю себѣ указать читателямъ на одно изъ послѣднихъ сочиненій: „Очерки изъ исторіи философіи“. Смотри стр. 19 и слѣд.

на которой эти индивидуальные различия сталкиваются, борются, входят въ компромиссъ и группируются, образуя разные, по направлению, философскія школы и системы. Психология также, какъ и другія философскія науки, подвержена вышеозначенной зависимости, а потому и не можетъ представлять нѣчто однообразное по содержанію, подобно математикѣ и физикѣ, а отражаетъ отличія той школы и направленія, къ которой принадлежитъ психологъ.

Главное и основное различие въ сочиненіяхъ по психологіи зависитъ отъ того, принадлежатъ ли эти сочиненія къ направленію, признающему или же отрицающему душу, какъ особую субстанцію, что отражается какъ въ составѣ и тонѣ сочиненія по психологіи, такъ и въ существенныхъ пунктахъ содержанія. Точно также отражается въ психологическомъ сочиненіи и то, принадлежитъ ли его авторъ, отрицающей духовную субстанцію, къ школѣ позитивизма или феноменизма, т. е., къ системѣ, отрицающей субстанцію вообще, а слѣдовательно и духовную; или же къ материалистической системѣ, которая видѣтъ въ душѣ функцию матеріи. Съ другой стороны, если психологъ и признаетъ душу, какъ субстанцію, то и тутъ является значительное различие, смотря по тому, смотритъ ли онъ на душу, какъ на индивидуальную субстанцію, самостоятельно существующую среди многихъ таковыхъ же субстанцій, или же только какъ на одну единственную субстанцію, являющуюся во множествѣ модификацій и видоизмѣненій, которая и есть то, что мы называемъ индивидуальными душами. Кромѣ этихъ главныхъ различій есть еще второстепенные и частные, которыхъ касаться теперь я не считаю нужнымъ.

Но здѣсь кто либо мнѣ можетъ возразить, что уже давненько началось (конечно, сперва въ Англіи), а въ послѣднее время все болѣе и болѣе устанавливается и распространяется эмпірическая или положительная или научная (на это послѣднее название особенно ударяютъ позитивисты) психологія, имѣющая въ основѣ своей одни только (якобы!) факты или явленія, которая она и обрабатываетъ (якобы!) индуктивнымъ методомъ, т. е., собираетъ, провѣ-

ряеть и обобщаетъ въ законы. Эта положительная психологія разсуждениями и спорами о существованіи и не существованіи души съ ея свойствами не занимается и, какъ прибавляютъ часто для пущей важности позитивисты, предоставляетъ эти безплодныя упражненія метафизикамъ.

Я не стану, конечно, оспоривать, что такая эмпирическая психологія существуетъ и что она даже начинаетъ преобладать, не стану также оспоривать и того, что она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оказалась весьма полезною, но я не могу не указать и на важные невыгоды, сопряженныя съ этой „психологіей безъ души“. Для всякаго, сколько нибудь серьезно мыслящаго и способнаго жить и действовать по принципу, человѣка не можетъ быть индифферентнымъ вопросу о существованіи или о несуществованіи духовной субстанціи и о ея свойствахъ, а потому у него непремѣнно съ большою или меньшою степенью основательности порѣшить этотъ вопросъ въ ту или другую сторону. Отсюда слѣдуетъ, что эта quasi-научная психологія, будто бы устраниющаяся отъ метафизическихъ вопросовъ о душѣ, въ строгомъ смыслѣ никогда не выполняется, да едва ли и можетъ быть выполнена, потому что такъ или иначе, прямо или косвенно, но психологъ непремѣнно выскажетъ то, въ какую сторону у него порѣшенъ этотъ вопросъ. Это рѣшеніе и сочувствие психолога той или другой сторонѣ никогда не можетъ укрыться отъ опытнаго читателя, какъ бы авторъ не увѣрилъ на словахъ, что онъ принципіально исключаетъ вопросъ о душѣ изъ области психологической науки и считаетъ ея задачею изслѣдованіе психологическихъ явлений и ихъ законовъ. Но зато съ другой стороны неопытный читатель, могущій принять въ серьезъ якобы научную психологію, впадаетъ въ невыгодныя для него недоразумѣнія, о которыхъ я скажу ниже. Повидимому, направление психологіи, имѣющей въ виду одни только факты, всего выполнимѣе для безпринципныхъ психологовъ—бывають, вѣдь, и такие—которые могутъ и признавать, и отрицать душу, смотря по тому, что для нихъ выгоднѣе съ житейской точки зренія въ дан-

ную минуту, по преобладанию тѣхъ или другихъ теченій въ общественной жизни. Но, къ сожалѣнію, отъ такихъ положительныхъ психологовъ не бываетъ никакого проку ни для эмпирической, ни для метафизической психологіи, какъ науки. Что же касается до *косвенныхъ приемовъ*, въ которыхъ психологъ можетъ обнаружить свое отношение къ метафизическімъ вопросамъ о душѣ и ея свойствахъ, то они весьма многочисленны и разнообразны и состоять, во первыхъ, въ различіи по отношению къ признаваемымъ фактамъ — что одни признаются за факты, то другіе отрицаютъ, во вторыхъ, въ различной группировкѣ и въ различномъ освещеніи этихъ фактовъ и въ третьихъ, главнымъ образомъ, въ причинномъ объясненіи этихъ фактовъ. Такъ, напр., въ психологіи, являющейся подъ именами: „физиологическая психологія“, или „физиология духа“, „физиология ума“ и т. под., всегда психологическая жизнь и перемѣны въ ней ставятся въ причинную зависимость отъ перемѣнъ въ тѣлѣ или специально въ нервной системѣ. Въ такой психологіи, чтобы ни говорили ея представители о своей научности и благочестивомъ намѣреніи не вдаваться въ метафизическіе вопросы о душѣ и ея свойствахъ, а руководиться одними фактами и обобщеніемъ ихъ въ законы, мы всегда найдемъ уже готовое предрѣшеніе вопроса о душѣ въ сторону матеріализма, потому что, въ силу причинной зависимости психической жизни отъ тѣла и мозга, душа *неизбѣжно окажется простою ихъ функциєю*. Иначе говоря, этою психологіею совершаются вольный или невольный грѣхъ *подмѣна* отношения параллелизма и соотвѣтствія явлений и состояній психическихъ и тѣлесныхъ, утверждать которое мы имѣемъ основаніе, подмѣна *отношениемъ причины и слѣдствія*, на которое мы никакого права не имѣемъ.

Теперь я и скажу нѣсколько словъ о томъ незаконномъ ущербѣ, который терпить всякий желающій систематически познакомиться съ психологіей читатель отъ этой (якобы?) научной или положительной психологіи и отъ значительной, но также не законной выгоды, которую она даетъ представителямъ направлений, отрица-

ющаго душу, относительно представителей направлений, признающего ее.

Для начинающего изучать психологию *самый важный вопрос* и заключается именно въ томъ, существуетъ или нѣтъ душа, какъ особая субстанція, и какія есть даннныя и соображенія за и противъ этого существованія. Между тѣмъ такъ называемая научная психологія объявляетъ ему, что именно этотъ наставительнейший для него вопросъ и стоитъ *внѣ науки*, что научная психологія не занимается имъ и что, если она и употребляетъ слово: душа, то оно, съ научной точки зренія, есть не болѣе, какъ *терминъ*, которымъ обозначаются особаго рода явленія въ организмѣ или, какъ нѣкоторые выражаются, „*надъорганическія*“ явленія.

Выпроводивши со сцены такимъ вѣжливымъ образомъ самый интересный и беспокойный для начинающего вопросъ, научная психологія начинаетъ солидно исчислять и описывать психические явленія, *классифицировать* или дѣлить ихъ на роды и виды, *приводить* ихъ въ взаимную связь и т. д. При этомъ, по распостранившемуся теперь обыкновенію, включаются въ психологію значительныя выдержки, а иногда и цѣлые главы изъ физиологии о строеніи мозга и нервной системы, объ ихъ нормальныхъ или патологическихъ отправленіяхъ и т. под. Всѣ эти извлечения приводятся, конечно, для того, чтобы объяснить происхожденіе психическихъ явленій и перемѣны въ нихъ въ полной зависимости отъ перемѣнъ въ тѣлѣ или нервной системѣ. Конечно, при этомъ объясненіи также самая научная психологія, которая потребность въ решеніи вопроса о существованіи души, какъ субстанціи, иронически отсылаетъ въ метафизикѣ—мимоходомъ объявляя оную метафизику складочнымъ мѣстомъ разныхъ *не научныхъ фантазій*—также самая психологія ни однимъ словечкомъ *не обмолвится* о томъ, что и вопросъ о существованіи или несуществованіи тѣла и мозга, какъ субстанцій, о себѣ сущихъ, точно также не научный и относится къ той же метафизикѣ, т. е., складочному мѣсту фантазій.

Я увѣренъ, что если бы кто либо и дерзнулъ робко замѣтить этой научной психологіи, что, вѣдь, тѣло, мозгъ, вообще материальная вещи, съ точки зрењія позитивизма, суть также не болѣе, какъ слова или термины для обозначенія особыхъ группъ явлений и что, слѣдовательно, едва ли будетъ научно группу явлений, называемую словомъ: душа, ставить въ причинную зависимость отъ группы явлений, называемыхъ словами: тѣло или мозгъ, то я увѣренъ, что такой дерзкій услышалъ бы строгую и преисполненную упрековъ въ отсталости и невѣжествѣ нотацію съ указаніями и ссылками на авторитетъ уже не психологіи, а точныхъ наукъ: физіологіи, химіи, физики, въ которыхъ твердо поставленъ материальный субстратъ явлений въ видѣ клѣточекъ, молекулъ, атомовъ; въ видѣ кислорода, водорода и т. под. простыхъ тѣлъ: ибо безъ движенія этого субстрата въ пространствѣ эти науки не могли бы обойтись и потеряли бы все свое значеніе наукъ точныхъ.

Печальнымъ результатомъ такой постановки дѣла для начинающаго будетъ то, что онъ такъ-таки и останется безъ всякаго законнаго удовлетворенія законно-возникшіей потребности, разрѣшить беспокойный вопросъ о душѣ, и совершенно незаконнымъ образомъ мало-по-малу забываетъ о своей потребности и привыкаетъ считать душу за пустое слово, которымъ условились обозначать извѣстную группу явлений, привыкаетъ тѣмъ болѣе, что научная психологія несомнѣнно сообщитъ ему не мало интересныхъ знаній объ асоціації психическихъ явлений и ея законахъ, о связи этихъ явлений между собою и съ тѣлесными явленіями и т. под. Что же касается до представителей философскихъ теорій позитивизма и материализма, то эта научная психологія, какъ нельзя лучше, помогаетъ имъ.

Совсѣмъ безъ драки

Попасть въ большиe забіяки,

т. е., безъ спора и борьбы съ представителями противоположнаго направленія, слѣдовательно, безъ всякихъ хлопотъ и труда, завоевывать господствующее положеніе и всеобщее признаніе.

Но что же делать, спросить кто либо, направлению, признающему душу, и какъ ему бороться противъ вышеозначенного преимущества, которымъ пользуется враждебное направление, совсѣмъ отрицающее душу или признающее ее за функцию матеріи или мозга?

Конечно, отвѣчаю я, для этого противодѣйствія вовсе не нужно измышлять какихъ либо *внѣшнихъ мѣропріятій* въ родѣ обращенія съ жалобой къ мировому судью, а бороться тѣмъ же оружиемъ, которое единственно надежно и которымъ *всегда* боролась *истина* съ *заблужденіемъ* или односторонностью, т. е., оружиемъ мысли и яя главнаго выраженія,—слова! Не входя въ подробное изложеніе и описание борьбы этимъ оружиемъ съ господствующимъ направлениемъ, я кратко обозначу *общія правила*, которыхъ, по моему, должно держаться въ этой борьбѣ направлениe, признающее духовную субстанцію.

- 1) Прежде всего никогда не должно отрицать заслугъ „психологии безъ души“ и признавать то, что она правильно сдѣлала въ изслѣдованіи фактовъ, ихъ обобщеніи, постановкѣ законовъ и т. под.
- 2) Постоянно энергически напоминать какъ этой самой психологіи, такъ и вообще обществу или публикѣ, что кромѣ фактовъ, обобщенныхъ въ законы, существуетъ метафизический вопросъ о существованіи или несуществованіи духовной субстанціи; вопросъ, въ которомъ психологія, какъ и всякая другая специальная наука, сходитъ съ своей *частной и условной почвы* и входитъ въ философию, въ которую въ сущности впадаютъ всѣ науки, когда рѣчь отъ явлений переходитъ къ являемуемуся и когда вообще поднимается вопросъ о существѣ и обѣ основныхъ его свойствахъ.
- 3) Когда трактатъ по психологіи принадлежитъ къ направлению, признающему духовную субстанцію, то должно, чтобы онъ, не взирая на нѣкоторыя невыгоды, не подчинялся начинающему господствовать обычаю и не исключалъ изъ своего содержанія метафизической вопросъ о душѣ. Конечно, этотъ вопросъ можно вы-

дѣлить въ особую главу или въ особый отдѣль, не соединяя его очень тѣсно съ остальнымъ содержаніемъ трактата.

4) Вообще въ борбѣ съ противоположнымъ направлениемъ такой трактатъ долженъ соблюдать *полное беспристрастие*, стараясь въ изложениіи мнѣній и основаній противниковъ выставлять самые сильные и наиболѣе серьезные ихъ аргументы и опровергать ихъ на основаніи безстрастныхъ логическихъ доводовъ, не прибегая не только къ софизмамъ, но и къ аргументамъ, дѣйствующимъ на чувство, предразсудки и т. под.

5) Наконецъ должно быть крайне осмотрительнымъ и внимательнымъ въ *обосновкѣ и защите существованія духовной субстанціи*. Факты, которые полагаются въ основу этого существованія, должны быть строго и точно установлены; выводы изъ фактовъ должны быть ясны и отличаться характеромъ логической необходимости. Никогда не нужно забывать, что самымъ лучшимъ союзникомъ направлениія, отрицающаго духовную субстанцію, служить *не самое существо* вещей, которое говоритъ за ея признаніе, *а наивность, отсталость и иногда безсмысле* ея защитниковъ. Равнинный представитель направлениія, признающаго духовную субстанцію, долженъ постоянно держать въ умѣ известную поговорку: „избави меня, Господи, отъ ложныхъ или безтолковыхъ друзей, а съ врагами я и самъ справлюсь“.

Такъ какъ все наиболѣшее рѣдко, то рѣдки и сочиненія, удовлетворяющія высказаннымъ сейчасъ требованіямъ, а посему уже безъ дальнѣйшихъ объясненій понятно затрудненіе, о которомъ я говорилъ, когда начинающій и желающій познакомиться съ психологияей обращался съ вопросомъ, указать ему на наиболѣшее сочиненіе или руководство по психології. Сочиненій, которыхъ вообще можно похвалить, т. е., которыхъ хороши въ томъ или другомъ отношеніи, не мало, но удовлетворяющихъ со всѣхъ сторонъ приходится отыскивать съ величайшимъ трудомъ.

Къ счастію, эти поиски не всегда остаются безплодными; и на книгу Рабье, заглавіе которой приведено выше, я, съ спокойною

совѣстю, могу указать всякому, желающему познакомиться съ методомъ и содержаніемъ психологической науки, и при томъ на ея современной ступени развитія, какъ на сочиненіе, въ высокой степени удовлетворяющее этой цѣли. Авторъ его состоить преподавателемъ, или профессоромъ одного изъ парижскихъ лицеевъ, которые, какъ извѣстно, соотвѣтствуютъ нашимъ среднеучебнымъ завѣденіямъ, но въ которыхъ, по моему, совершенно основательно проходится въ извѣстномъ объемѣ курсъ философскихъ наукъ, а именно: психологіи, логики и даже метафизики. Но какъ то обстоятельство, что Рабье преподаватель лицея, такъ и самое заглавіе приведенного выше сочиненія, могутъ навести читателя на мысль, что это сочиненіе есть просто курсъ, приспособленный къ преподаванію психологіи въ лицѣ. Однако такое заключеніе было бы совершенно ошибочно. Психология Рабье, по сущности дѣла, вовсе не есть краткое руководство по психологіи, ни по формѣ, ни по содержанію, а весьма обширный ученый трактатъ, стояцій на высотѣ современной науки и по точкѣ зрѣнія на предметъ, и по вопросамъ, которые авторъ ставитъ себѣ для разрѣшенія и, что главное, по обработкѣ и рѣшенію этихъ вопросовъ.

Но мою высокою оцѣнкою книги Рабье я вовсе не хочу сказать, что я подпишусь подъ всѣми рѣшеніями поставленныхъ имъ вопросовъ и что я ни въ чемъ не буду съ нимъ разногласить. Во всякомъ случаѣ, это разногласіе нисколько не уменьшило бы въ моихъ глазахъ цѣны и достоинства какъ цѣлаго труда Рабье, такъ даже и тѣхъ частей его, въ отношеніи къ которымъ выразилось бы это разногласіе, потому что ошибочное, по моему мнѣнію, у Рабье рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ зависитъ ни подъ какимъ видомъ отъ невнимательности, или отсталости, или неспособности автора, но отъ того, что въ психологіи есть на столько сложные и не ясные пункты, что въ нихъ естественно и возможно, даже и для основательного человѣка, сдѣлать ложный шагъ и сбиться съ надлежащаго пути.

Относительно главнаго вопроса, раздѣляющаго психологовъ

Рабье ясно обнаруживаетъ свою принадлежность къ направлению, признающему духовную субстанцию, но было бы крайне ошибочно думать, что онъ слѣдуетъ по стопамъ традиціоннаго во Франціи спиритуализма, господствовавшаго въ школѣ Кузена. Далѣе, склоняясь къ спиритуализму, Рабье въ этомъ курсѣ психологіи вовсе не рѣшаетъ метафизического вопроса о существованіи души, какъ субстанціи. По его воззрѣніямъ на систему наукъ, этотъ вопросъ относится не къ психологіи, а къ метафизикѣ, (въ чемъ, въ сущности, и я съ нимъ согласенъ) курсомъ которой, вѣроятно, Рабье и закончить свою систему философскаго знанія¹⁾.

Что касается до метафизики, то я позволю себѣ привести читателю взглядъ Рабье на содержаніе этой науки. Въ своемъ „введеніи“ къ психологіи онъ дѣлаетъ опредѣленіе понятія науки и его классификацію. По этой классификаціи науки распадаются: на 1) космогоническая или науки о природѣ материальной; 2) науки иоологическая или науки о духѣ человѣческомъ, являющемся въ видѣ предмета природы, т. е., о духѣ, проявляющемся въ матеріи (къ этому отдану принадлежать филологическая, общественная, и историческая науки). 3) Науки психологическая или науки о духѣ, не какъ о предметѣ природы въ его материальномъ, внѣшнемъ проявленіи, но о духѣ, доступномъ только внутреннему наблюденію (психология, логика и учение о нравственности) и наконецъ 4) науки метафизическая (или первая философія, или метафизика, или онтология).

„Метафизика, говорить Рабье, естественно распадается на три части: 1) метафизика природы или рациональная космология, рассматривающая вопросы: что такое матерія, сила, пространство и пр.? 2) метафизика духа или рациональная психологія въ противоположность и опытному, склоняющемуся къ материалистическому

¹⁾ Къ 1884 г. появился курсъ „Психологіи“, а въ 1887 г. вышла въ свѣтъ и „Логика“ Рабье, о которой я скажу въ слѣдующихъ книжкахъ „Своего Слова“.

положность психології въ собственномъ (тѣсномъ) смыслѣ, кото-
рая занимается только духовными фактами или явленіями и ко-
торую называютъ опытною психологіею, рѣшаєтъ вопросы: что та-
кое душа? Отлична ли она отъ тѣла? Безсмертна ли она и пр.?
3) Метафизика абсолютнаго или раціональная теология, занимающа-
ся вопросами: есть ли первая причина? Какова она? Находится ли
она въ мірѣ или виѣ его? Какія отношенія ея къ міру" (стр. 1—10).

Отдѣляя изслѣдованіе вопросовъ о существованіи души и ея
природѣ къ метафизикѣ, Рабье въ своемъ сочиненіи, составляю-
щемъ предметъ этой замѣтки, занимается „опытною психологіей“
или, какъ онъ выражается, „психологіей фактovъ“, изъ которыхъ
состоитъ психическая жизнь и которые изслѣдуются и обрабатываются
подобно фактамъ наукъ естественныхъ. Въ этомъ труда Рабье
занимается установкою психическихъ фактовъ, ихъ отличiemъ
отъ фактовъ материальныхъ и специально физиологическихъ. Отли-
чие это, замѣчу мимоходомъ, состоить по Рабье въ томъ, что пси-
хические факты не суть „функции, т. е., движенія органовъ“ тѣла
или мозга, а также не могутъ быть „локализированы“, потому что
не имютъ места въ пространствѣ, а посему не „подлежатъ
прямому измѣренію“ и „познаются не чувствами, а непосредст-
венно“ во внутреннемъ опыте.

Далѣе Рабье изслѣдуетъ „общую форму“ психическихъ фак-
товъ (сознаніе) и занимается исчислениемъ и классификациею этихъ
фактовъ. По этой классификаціи Рабье все содержаніе своей книги
посвящаетъ разсмотрѣнію во первыхъ ума или познанія, гдѣ из-
слѣдуются ощущенія, память, воображеніе и функции ума въ тѣс-
номъ смыслѣ, или сужденія, понятія и пр., общіе принципы по-
знанія (идея тождества, идея виѣшняго міра, идея „я“, идея суб-
станціи, идея абсолютнаго и т. под.). Во вторыхъ изслѣдуется
чувствование (удовольствіе, боль, влеченіе, страсти) въ третьихъ
воля въ различныхъ ея проявленіяхъ. Затѣмъ послѣдній отдѣль
сочиненія составляютъ частные или специальные вопросы, какъ напр.:
о привычкѣ, о языке, о прекрасномъ, о специальной психологіи.

Во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ Рабье черпаетъ свой матеріалъ изъ разнообразныхъ источниковъ, у философовъ и писателей самыхъ различныхъ философскихъ направлений и доктринъ. Съ полнымъ беспристрастіемъ, отдавая каждому должное, онъ пользуется какъ *позитивистами* (напр., Юномъ, Миллемъ, Беномъ, Теномъ, Рибо и друг.), такъ и *метафизиками* (напр. Кантомъ, Шопенгауеромъ, Ренувье, Секретаномъ, Равессономъ, Полемъ Жане, Лашелье и друг.). Точно также онъ заимствуетъ свой матеріалъ у физіологовъ, естествоиспытателей, даже математиковъ; словомъ, онъ береть все нужное ему всюду, гдѣ бы оно ни встрѣтилось, но однако это пользованіе разнообразнымъ матеріаломъ, ни подъ какимъ видомъ, не есть простая *компилляція* или только повтореніе и присоединеніе одного къ другому чужихъ возврѣній. Всюду и вездѣ авторъ самостоителльно и отчетливо *выбираетъ* свой матеріалъ, опровергая и отвергая ошибочное, поправляя или дополняя недостаточное и усвоивая только то, что выдерживаетъ строгую и обстоятельную критику. Къ сдѣланной мною оцѣнкѣ психологіи Рабье я, для большаго ознакомленія читателя съ его манерой изслѣдованія и изложенія, позволю себѣ прямо перевести нѣсколько страницъ изъ этого сочиненія. Для образчика беру отрывокъ изъ изслѣдованія о сознаніи, а именно, критику нѣкоторыхъ отвергаемыхъ имъ теорій сознанія (см. главу VII, стр. 72 и слѣд.).

„**Есть ли сознаніе чувство отношенія?**—Говорятъ, что всякий фактъ сознанія есть *сознаніе отношенія* между двумя терминами; или иначе, всякое сознаніе двойственno. Это положеніе можетъ быть понимаемо двояко. Одни говорятъ: „всякое сознаніе есть чувство различія, контраста между двумя состояніями“ —Другіе, понимая эту двойственность иначе, говорятъ: „всякое сознаніе предполагаетъ или включаетъ въ себѣ представляющее и представляемое; оно есть чувство отношенія между субъектомъ и объектомъ“. Разсмотримъ же вкратцѣ эти два определенія.

§ I.

„Есть ли всякое сознание чувство различия?—По утверждению многихъ современныхъ психологовъ всякое сознание есть чувство различія. Бенъ пишетъ (См. *Sens et intelligence*, trad. fran^c. p. 279):

Сознаніе вовсе не наступаетъ, если нѣтъ сознанія перехода, перемѣны. Въ этомъ и состоить то, что мы называемъ закономъ относительности (*la loi de relativit *). Или въ другомъ мѣстѣ (*l'Esprit et le Corps*, p. 83): „наше сознаніе начинается, такъ сказать, различіемъ; мы никакой вещи не познаемъ *въ ней самой*, мы познаемъ только *различие*, которое существуетъ между этою и тою вещью. Ощущеніе тепла, которое мы имѣемъ въ какой либо данный моментъ, есть, въ сущности, контрастъ съ холодомъ, предшествовавшимъ этому теплу“.—Мансель и Спенсеръ говорятъ тоже, но въ другихъ выраженіяхъ. „Самая идея сознанія, говоритъ Мансель, включаетъ различіе между однимъ предметомъ и другимъ“ (см. *Spencer: Premiers principes*, trad. franc. p. 67 и 81).

Основаніе, приводимое въ пользу этой теоріи. — Въ чемъ состоить основаніе, приводимое въ пользу этой теоріи?

„Всякое познаніе двойственno, говоритъ Бенъ (*Sens et intelligence*, p. 7), потому что сознаніе имѣть необходимымъ условіемъ перемѣну впечатлѣнія. Всегда замѣчали и признавали слѣдствія этого закона. Первый моментъ перехода отъ одного состоянія къ другому чувствуется всего живѣе, и память объ первомъ состояніи ослабѣваетъ по мѣрѣ того, какъ ослабѣваетъ возбужденіе, произведенное перемѣною. Постоянныя требованія перемѣны, новаго, прогресса въ познаніяхъ, въ богатствахъ, въ политическихъ учрежденіяхъ представляютъ массу примѣровъ закона относительности въ приложеніи къ удовольствію“.—Спенсеръ говоритъ въ томъ же смыслѣ: „однообразное состояніе сознанія есть, на самомъ дѣлѣ, отсутствие сознанія (*non conscience*). Когда прекращаются перемѣны въ сознаніи, то прекращается и сознаніе. Значитъ, если постоянная перемѣна есть истинное условіе, при которомъ только и можетъ продолжаться сознаніе, то отсюда вытекаетъ необходимое слѣдствіе, что различныя явленія сознанія все сводятся къ перемѣнамъ, что перемѣны суть основные элементы всякой мысли.... Пока продолжается

какое либо состояніе: А, мыслящаго субъекта, то нѣтъ сознанія. Точно также пока продолжается другое состояніе: В, то также нѣтъ сознанія. Но какъ скоро есть переходъ изъ состоянія: А, въ состояніе: В, то именно этотъ переходъ и образуетъ явленіе въ сознаніи.... Итакъ, сознаніе должно быть *непрерывной дифференциацией* (*différenciation continue*) производящихъ его состояній". (*Principes de psychologie trad. fran . t. II, p. 303, 304, 305, 313, 314*).

Критика: А) **Приводимый фактъ преувеличенъ.**— Приводимый аргументъ основанъ на достовѣрномъ, но чрезвычайно преувеличенномъ фактѣ. Достовѣренъ тотъ фактъ, что когда продолжается какое либо одно впечатлѣніе, то сознаніе все ослабѣваетъ и, при дальнѣйшемъ продолженіи, совсѣмъ исчезаетъ. Значитъ, перемѣна есть, до извѣстной степени, условіе для поддержки тона (*tonalit *) сознанія. Но, дѣлая изъ этого условія *абсолютный законъ* самаго существованія сознанія, говоря, что перемѣна должна быть непрерывною для этого существованія, сильно преувеличиваютъ значеніе этого факта. Вѣдь, еслибы это было такъ, то всѣ состоянія сознанія были бы мгновенны: одно и то же состояніе не могло бы продолжаться двухъ мгновеній сряду. Между тѣмъ одинъ и тотъ же запахъ можетъ быть обоняемъ въ теченіи извѣстнаго времени точно такъ же, какъ въ теченіи нѣкотораго времени можетъ быть слышанъ одинъ и тотъ же звукъ. Въ музыкѣ не однѣ только тройныя или четверныя ноты: есть и пѣлья ноты, и половины. Мы не только имѣемъ сознаніе о противоположности въ нашихъ состояніяхъ сознанія, но также и о пребыванії, тождествѣ нѣкоторыхъ состояній сознанія въ теченіи извѣстнаго времени. И такъ, пусть говорятъ: „при отсутствіи перемѣны сознаніе ослабѣваетъ и склоняется къ исчезновенію“, но и только! Но пусть не говорятъ: „при отсутствіи перемѣны сознаніе *абсолютно не можетъ быть*“.

Б) **Смѣшиваютъ условіе существованія съ его содержаніемъ.** Но есть болѣе важное критическое возраженіе. Пусть перемѣна будетъ закономъ и, если хотятъ, абсолютнымъ закономъ сознанія; изъ того нисколько не слѣдуетъ, что сознаніе есть чувство или *познаніе*.

этой перемыны, этого различія! Здѣсь есть существенная разница, которую Спенсеръ, по видимому, иногда не замѣчаетъ, но которую онъ, какъ кажется, отмѣтилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ¹⁾). Бэнъ же, кажется, нигдѣ не отмѣтилъ этой разницы. Между тѣмъ вполнѣ ясно, что *реальное или данное* различіе вовсе не есть тоже самое, что различіе *воспринятое* (*difference perçue*). Напр., предположимъ, что два различныя ощущенія даны, каждое въ особомъ индивидуумѣ. Различіе въ этихъ двухъ ощущеніяхъ, конечно, дано; оно *реально*. Но, однако, оно не есть различіе *воспринятое*, потому что ни одинъ изъ двухъ индивидуумовъ не имѣеть о немъ сознанія. Теперь предположимъ эти два различныя ощущенія осуществившимися въ одномъ и томъ же сознаніи. Различіе опять таки *дано* въ этомъ сознаніи, но изъ того вовсе не слѣдуетъ, что оно *воспринято* этимъ самымъ сознаніемъ. Можно весьма легко предположить сознаніе, въ которомъ слѣдовали бы безпрерывно другъ за другомъ различныя состоянія, но которое однако было бы навсегда лишено *чувства различія*. Для этого достаточно предположить, что такое сознаніе было бы абсолютно лишено памяти. Не отличать различіе данное или *различіе фактическое* (*difference de fait*) отъ *чувства различія*, это значитъ смѣшивать точку зрѣнія *онтологическую* или *метафизическую* съ точкою зрѣнія *знания*, съ точкою зрѣнія *внутреннею* или съ точкою зрѣнія *психологическою*. Однимъ словомъ, если бы вышеизложенный законъ и былъ *условиемъ существования* факта сознанія, то онъ все таки отъ того не былъ бы *выражениемъ существенной природы содержания* факта сознанія.

С) Тезисъ опровергается фактами—Кромъ того этому тезису противорѣчатъ факты. Конечно, никто не отрицаєтъ, что мы имѣемъ сознаніе о синемъ, красномъ, холдномъ, тепломъ и проч. Но ни одно изъ этихъ состояній не можетъ быть опредѣлено, какъ

---

¹⁾ *Principes de psychologie*, Т. II, analyse speciale, ch. XXVI.

чувство различія¹⁾, потому что различіе ни синё, ни красно, ни холодно, ни тепло, и что, следовательно, имъя сознаніе синяго, красного, и пр., мы вовсе не познаемъ никакого различія.

D) Тезисъ заключаетъ противорѣчіе въ себѣ самомъ.—Не только эта теорія находится въ противорѣчіи съ фактами, но она противорѣчива и внутри себя самой. Сознаніе не есть и не можетъ быть первоначально, существенно и прежде всего чувствомъ различія, потому что чувство различія предполагаетъ предварительное чувство *самихъ тѣхъ терминовъ*, различіе между которыми почувствовано. Различіе не существуетъ само по себѣ. Различіе есть *отношеніе*; чувство различія есть чувство^{*)} *отношенія*. Но отношение существуетъ только посредствомъ терминовъ и не воспринимается, не понимается иначе, какъ чрезъ посредство терминовъ. Слѣдовательно, чувство различія не можетъ быть—какъ намъ обѣ этомъ говорятъ—первою ступенью сознанія. Оно можетъ быть только второю. Напр., мы можемъ чувствовать красное различнымъ съ другою вещью не иначе, какъ если мы имѣмъ сознаніе обѣ этой другой вещи и обѣ самомъ красномъ. Отнимите чувство (сознаніе) этихъ двухъ терминовъ и необходимо исчезаетъ чувство ихъ различія²⁾.

¹⁾ Это все равно, какъ еслибы кто либо опредѣлилъ сознаніе музыкальной ноты чувствомъ интервала. Такое определеніе ноты нелѣпо, ибо сознаніе ноты существуетъ тогда, когда эта нота дана изолированно. Если же нота дана вмѣстѣ съ другими, тогда къ ощущенію самой ноты можетъ присоединяться чувство интерваловъ, которые отдѣляютъ ее отъ этихъ другихъ нотъ.

^{*)} Рабье употребляетъ терминъ: чувство, въ смыслѣ *отмыты*, сознанія. А. К.

²⁾ Значитъ ошибочно сказать, какъ это дѣлаетъ Мансель, что *самый актъ сознанія* необходимо включаетъ въ себѣ (предполагаетъ) *отличіе между однимъ объектомъ и другимъ*. Напротивъ, это отличіе включаетъ въ себѣ предварительное сознаніе объектовъ. Ничто не мѣшаетъ намъ предположить такое сознаніе, которое останавливалось бы на сознаніи объектовъ и не доходило бы до сознанія ихъ различія.

Е) Тезисъ дѣлать бы невозможнымъ возникновеніе сознанія.— Наконецъ если бы сознаніе было чувствомъ различія, то спрашивается, какъ произошло бы *первое* состояніе сознанія? Оно никогда не произошло бы, потому что, будучи, по предположенію, первымъ, оно не могло бы отъ чего либо отличаться.— Правда на это можно отвѣтить, что сознаніе могло бы начаться разомъ въ видѣ одновременного множества, которое и дало бы материалъ для различія, но Бэнъ и Спенсеръ заградили себѣ этотъ отвѣтъ, отрицая то, чтобы въ сознаніи могла осуществиться совершенная одновременность.— Итакъ мы заключаемъ: всякое состояніе сознанія, хотя бы оно даже и предполагало различіе, какъ условіе своего бытія, все таки не есть чувство различія. Это чувство есть познаніе *абстрактное*, а интеллектъ начинается *конкретнымъ*, а не *абстрактнымъ*.

§ II.

Есть ли сознаніе чувство отношенія?— Но, какъ мы сказали, первоначальную двойственность, предполагаемую всякимъ фактъмъ сознанія, разумѣютъ еще иначе, а именно говорятъ: всякое сознаніе есть представляющее, а всякое представленіе обнаруживается для себя включающимъ субъектъ и объектъ, представляющее и представляемое. Всякое сознаніе исчезаетъ, если отвлечься отъ одного изъ этихъ двухъ терминовъ. Этотъ тезисъ поддерживается Гамильтономъ¹⁾, Манселемъ²⁾, Спенсеромъ³⁾, во Франціи Ренувье⁴⁾.

Сознаніе, говоритъ Мансель, иначе не возможно, какъ въ формѣ отношенія. Не можетъ быть сознанія безъ соединенія двухъ факторовъ, и въ этомъ соединеніи каждый изъ нихъ существуетъ только *такимъ, каково онъ по отношенію къ другому*.— „Всякая мысль, говоритъ Спенсеръ, включаетъ отношеніе и различіе. Все, что не имѣеть этого характера, не доступно познанію“.

1) Spencer, Principes, p. 79—80.

2) Ibid., p. 81—82.

3) Ibid., p. 79—89.

4) Essais de critique, 1-er essai, ch. III.

Тезисъ этотъ произволенъ: въ немъ смыывается первоначальное сознаніе съ рефлексіей.—Этотъ тезисъ не заключаетъ, конечно, внутренняго противорѣчія, подобно предыдущему, но онъ кажется намъ совершенно произвольнымъ. Здѣсь смыывается первоначальное сознаніе, сознаніе чистое и простое, съ сознаніемъ развитымъ, съ сознаніемъ уже взрослого человѣка, съ сознаніемъ, которое есть результатъ ассоціаціи идей, памяти, рефлексіи. Вѣрно, что развитое сознаніе не можетъ сознавать, чего бы то ни было, безъ того, что бы въ немъ не было различія вещи, о которой есть сознаніе, и субъекта, который имѣеть это сознаніе. Идея этой двойственности представляется намъ не только тогда, когда мы помышляемъ одно изъ нашихъ психологическихъ состояній вѣнѣ наасъ, напр., цвѣтъ; но и когда мы приписываемъ самимъ себѣ какое либо психологическое состояніе, напр., боль. Даже и тогда для сознанія есть субъектъ и объектъ. Но на какомъ же основаніи хотять, чтобы такъ было и сначала? Конечно, идея субъекта, разг образовавшись, входитъ во всѣ наши представлениа; и съ тѣхъ поръ во всякомъ состояніи сознанія оказывается явная двойственность. Но первоначально нѣть ни представляющаго, ни представляемаго; есть ощущенія, представленія, факты сознанія—вотъ и все. Нѣть ничего справедливѣе, по нашему, какъ слѣдующее воззрѣніе Кондильяка:

„Первоначально одушевленная статуя есть все то ощущеніе, которое она чувствуетъ; она есть сама для себя вся—запахъ или вся—вкусъ; и ничего болѣе. Это ощущеніе не заключаетъ для сознанія никакой двойственности; оно абсолютно просто“.

Вѣроятно, такъ и стоитъ дѣло у низшихъ животныхъ, которыхъ не имѣютъ памяти и которыхъ не могутъ изъ всего ихъ прошедшаго образовать коллективнаго воспоминанія, которое установило бы для нихъ какое либо „я“. Въ высокой степени вѣроятно, что ощущенія улитки или устрицы не заключаютъ никакого различія субъекта отъ объекта. Таковы же должны быть ощущенія человѣческаго зародыша или новорожденнаго ребенка“....

Далѣе, Рабье переходитъ къ разсмотрѣнію спептическихъ и

релятивистскихъ выводовъ изъ подвергнутыхъ имъ критикѣ теорій сознанія и противополагаетъ этимъ выводамъ свою теорію сознанія и заключенія изъ нея. Но такъ какъ я, въ сейчасъ приведенномъ мною отрывкѣ, им'ю въ виду не изложеніе книги или теоріи Рабье, а только ознакомленіе съ его манерой изслѣдованія и аргументаціи, то я на этомъ и закончиваю свою замѣтку о сочиненіи этого почтеннаго представителя философской науки во Франціи и обращаю вниманіе читателей „Своего Слова“ на другое сочиненіе, принадлежащее къ отечественной литературѣ.

II) Опытъ построенія теоріи матеріи. Часть первая. А. Введенскаго. С.-Петербургъ, 1888 г.

Такъ какъ сочиненіе это еще не кончено и представляеть только одну первую часть, то я и отлагаю болѣе полную и обстоятельную оцѣнку его до окончанія. Если при этой оцѣнкѣ мнѣ и пришлось бы болѣе или менѣе разойтись съ философскими воззрѣніями Г. Введенскаго, то я все таки и теперь могу сказать рѣшительно, что, во всякомъ случаѣ, сочиненіе его представляеть трудъ серьезный и самостоятельный и даетъ весьма цѣнныи вкладъ въ не богатую русскую философскую литературу.

Но есть одно отношеніе, въ которомъ я и сейчасъ считаю должнымъ обратить вниманіе читателей „Своего Слова“ на сочиненіе Г. Введенскаго.

Въ моей книжкѣ: „Очерки изъ исторіи философіи“, на страницѣ 7-ой я говорю, „что во всякой философской системѣ къ основному составу ея изъ теоріи познанія, метафизики и этики, принадлежать въ видѣ развѣтвленій особыя дисциплины, въ которыхъ предметы всѣхъ другихъ наукъ могутъ быть разсматриваются съ философской точки зрѣнія. Эти дисциплины известны въ наукѣ подъ различными именами, напр., философіи природы, философіи исторіи, философіи права, философіи математики, философіи физики или химіи, философіи языка и т. под. Возможность ихъ обосновывается на томъ обстоятельствѣ, что въ каждой наукѣ есть *высший*

вопросъ, который она не можетъ решить собственными силами, а именно: вопросъ о ея собственныхъ основныхъ началахъ и понятияхъ. Таковы въ математикѣ вопросы о величинѣ, числѣ, пространствѣ, времени, движениі, въ физикѣ вопросы о силѣ, причинѣ, явленіи, матеріи; въ наукахъ историческихъ вопросы о перемѣнѣ, процессѣ, развитіи; въ юридическихъ вопросъ о правѣ и т. д.».

Существенное отличие этихъ дисциплинъ отъ тѣхъ частныхъ наукъ, къ которымъ онѣ относятся, состоитъ въ тѣхъ же особенностяхъ, которыми вообще отличается философія отъ каждой частной науки. Важнейшая изъ этихъ особенностей заключается въ томъ, что каждая частная наука въ каждое время состоитъ или представляетъ въ значительной степени однообразное содержаніе изъ фактовъ, а также и изъ ихъ обобщеній въ законы, содержаніе, безспорно признаваемое всѣми представителями науки. Съ своей стороны философія отличается отъ частныхъ наукъ тѣмъ, что ея содержаніе или всѣ ея положенія лишены этого однообразія; а потому относительно ихъ между представителями философіи происходятъ разногласія и споры, вслѣдствіе которыхъ философія и распадается на нѣсколько системъ. На причины этого явленія я уже не разъ указывалъ, даже указывалъ и въ той книжкѣ, на которую сдѣлалъ сейчасъ ссылку¹⁾, а потому теперь и не стану повторять сказанного. Тому же недостатку подчиняются и философскія дисциплины, разматривающія основные начала и понятія частныхъ наукъ. Эти основные понятія находятся въ неразрывной связи съ основами и характеромъ цѣлыхъ философскихъ системъ, а потому и въ полной отъ нихъ зависимости. Основные понятія и положенія о матеріи, пространствѣ, времени, движениі, о правѣ, о благѣ или добрѣ, обѣ обществѣ, о значеніи и смыслѣ исторіи и т. под. будутъ необходимо различны у представителей различныхъ философскихъ направленій: у матеріалистовъ они будутъ одни, у спи-

¹⁾ См. стр. 19 и слѣд.

ритуалистовъ другіе, у идеалистовъ третыи, у реалистовъ четвертыя и т. д. Это различіе основныхъ понятій непремѣнно отражается въ различіи точекъ зрѣнія на явленія или факты частныхъ наукъ: на явленія, напр., матеріи, права, морали, исторіи и т. д.; отражается также и на толкованіи этихъ явленій или фактovъ, ихъ группировкѣ и т. под.

Книга Г. Введенскаго о матеріи и принадлежитъ къ той философской дисциплинѣ, которая всего чаще носитъ название философіи природы, а въ послѣднее время иногда называется философіей физики или химіи; она посвящена критическому разсмотрѣнію различныхъ ученій о матеріи. Изъ нея читатели всего лучше увидятъ разногласіе, или „полнѣйшій хаосъ мнѣній“, по выражению Г. Введенскаго¹⁾, господствующій между учеными относительно всѣхъ понятій, связанныхъ съ понятіемъ матеріи, каковы понятія силы, движенія, инерціи, массы, энергіи, непроницаемости и проч.

Главное разногласіе въ понятіи матеріи выражается двумя теоріями: механической и динамической. По одной теоріи матерія состоитъ изъ вещества, занимающаго пространство и производящаго материальный явленія *механически*, т. е., путемъ непосредственного воздействиія частицъ вещества другъ на друга, посредствомъ взаимныхъ ударовъ или толчковъ. По другой теоріи не вещество занимаетъ пространство и производить прямымъ толчкомъ явленія материальный, а занимаютъ пространство ефекты силъ, дѣйствующихъ въ немъ. Сами силы эти не занимаютъ пространства и имѣютъ въ немъ только положеніе; или онѣ суть центры, изъ которыхъ исходитъ ихъ дѣйствіе. По динамической теоріи вовсе не нужно ни толчковъ, ни непосредственного прикосновенія; силы могутъ дѣйствовать и производить материальный явленія (напр., явленія тяготѣнія) на разстоянії.

Кромѣ этого основного различія въ теоріяхъ матеріи есть, конечно, различія и, такъ сказать, внутри той, такъ и дру-

¹⁾ См. „предисловіе“ стр. III.

гой теорії. Такъ, напр., въ механической теорії возникаетъ разногласіе въ зависимости отъ того, понимается ли вещество сплошнымъ, занимающимъ пространство безъ промежутковъ, или же оно понимается состоящимъ изъ дискретныхъ частицъ, раздѣленныхъ пустымъ пространствомъ. Эта теорія атомистического механизма, преобладающая въ наше время надъ первою, видитъ главное свойство матеріи въ непроницаемости, тогда какъ теорія сплошной матеріи видѣла его въ пространственности.

Въ большей или меньшей связи съ этимъ основнымъ разногласіемъ ученыхъ въ понятіи матеріи находится разногласіе и относительно другихъ понятій философіи природы. Такъ, напр., инерцію одни понимаютъ какъ силу, другіе такъ законъ дѣйствія силы; одни выводятъ ее, какъ слѣдствіе изъ закона причинности, другіе видѣть въ ней условіе для дѣйствія причины. Понятіе энержіи одни смѣшиваютъ съ понятіемъ силы, другіе различаютъ эти понятія; точно также энержія то различается, то смѣшивается съ понятіемъ движенія. Тоже самое разногласіе и въ пониманіи массы: „одни, говоритъ Г. Введенскій въ предисловіи къ своей книгѣ, ее считаютъ какимъ то присущимъ матеріи сопротивленіемъ перемѣнамъ состояній и ставятъ ее въ связь съ инерціей и даже непроницаемостью. Другіе рассматриваютъ ее какъ показателя количества матеріи, понимая подъ словомъ количество объемъ послѣдней. Третьи утверждаютъ, что масса не имѣтъ ни малѣйшей связи съ протяженіемъ. Четвертые предлагаютъ ограничиться только пониманіемъ массы, какъ коеффиціента, соопредѣляющаго вмѣстъ съ величиной дѣйствующей силы скорость тѣла и т. д.“.

Все это разногласіе ученыхъ въ важнѣйшихъ вопросахъ науки—философіи Г. Введенскій указываетъ и излагаетъ на основаніи сочиненій самыхъ авторитетныхъ философовъ и ученыхъ, по преимуществу современныхъ. Декартъ, Лейбница, Ньютона, Кантъ, Томсонъ, Тегъ, Гельмольцъ, Кирхгофъ, Махъ, Моръ, Секки, Вундтъ, Деллинггаузенъ, Иценкраге и другія имена служатъ представителями этихъ разногласяющихъ теорій и понятій, съ которыми знакомить

читателей почтенный авторъ въ своемъ „Опытѣ построенія теоріи матерії“. Излагаемыя теоріи Г. Введенскій сопровождаєтъ критикой ихъ, но я надѣюсь обстоятельно коснуться этого предмета тогда, когда авторъ вполнѣ и окончательно выскажетъ свои возрѣнія на матерію, которая, конечно, служать критеріемъ, руководящимъ его въ его критическихъ замѣченіяхъ.

Искреннимъ желаніемъ, чтобы Г. Введенскій успѣшино докончилъ начатый имъ трудъ, я и заключу свою замѣтку о его книгѣ.

А. Козловъ¹⁾.

Годомъ по тому же вѣku въ АКАДеміи наукъ состоялась защита докторской диссертации А. Козлова („Психология и физиология мысли въ письмахъ А. С. Пушкина“). Уже въ то время пользовалась большой известностью приведенная въ докторской диссертации мѣтодика изученія письмъ (одинъ изъ первыхъ членовъ Академіи наукъ, членъ Академіи художествъ Ф. А. Шубертъ, въ 1877 г. издалъ въ Лейпцигѣ монографию „Письма А. С. Пушкина“). Въ 1880 г. А. Козловъ опубликовалъ въ журнале „Психологія“ статью „Опытъ изученія письмъ А. С. Пушкина“ въ которой показалъ, что въ письмахъ Пушкина можно выявить какъ психическое, такъ и физическое состояніе писателя въ разное время, а также въ разное время года. А. Козловъ показалъ, что въ письмахъ Пушкина можно выявить какъ психическое, такъ и физическое состояніе писателя въ разное время, а также въ разное время года. А. Козловъ показалъ, что въ письмахъ Пушкина можно выявить какъ психическое, такъ и физическое состояніе писателя въ разное время, а также въ разное время года. А. Козловъ показалъ, что въ письмахъ Пушкина можно выявить какъ психическое, такъ и физическое состояніе писателя въ разное время, а также въ разное время года.

¹⁾ Объщанную мною въ № 1 статью о Шоненгауэрѣ, по поводу книги, изданной къ его юбилею „Московскимъ Психологическимъ Обществомъ“, я отлагаю до другаго раза, а пока позволю себѣ обратить вниманіе читателей на замѣченіе, сдѣланное нашимъ сотрудникомъ, г. Калужскимъ, объ одномъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ философіи Шоненгауера, замѣченіе, съ которымъ я вполнѣ согласенъ,